

Ерохин Игорь Юрьевич

**Современное казачество и
государство**

**Москва
Издательство Нобель Пресс**

УДК 93
ББК 63.3
Е78

Ерохин Игорь Юрьевич
Е78 Современное казачество и государство / Ерохин Игорь Юрьевич – М.: Lennex
Согр, — Подготовка макета: Издательство Нобель Пресс, 2013. – 52 с.

ISBN 978-5-518-39853-5

Актуальность поднимаемого вопроса обусловлена той значимостью, которое современное казачество России приобретает как полноправный приемник лучших традиций государственности и служения Отечеству, выработанных на протяжении многих веков и десятилетий существования казачьей общности.

Modern cossacks and state: The urgency of the question is due to raise the relevant issue of importance that the modern Cossacks of Russia gets, as a full successor, the best traditions of statehood and service to the Fatherland, developed over the centuries and decades of existence of the Cossack community.

ISBN 978-5-518-39853-5

© Издательство Нобель Пресс, 2013
© Ерохин Игорь Юрьевич, 2013

На грани XX-XXI вв. Россия в системе мировых ценностей переживает один из самых сложных периодов за всю историю существования государства. Пересматривается и детально анализируется исторический опыт на основе историко-геномного и системных подходов. Вырабатываются новые критические подходы к казавшимся столь явными и детально изученным проблемам. Реформы затронули почти все сферы российской государственной и общественной жизни, — экономику, литературу, культуру, науку, безопасность, идеологию, социальные отношения. Проводимые в России реформы и преобразования сопровождаются многочисленными издержками. Некоторые из них неслучайны и носят системный характер.

Реформаторский, а не революционный путь развития, который избрала современная Россия, происходит на фоне усиления международной и внутренней напряженности. Это связано как с мировыми вооруженными конфликтами — Сирия, Ливан, Иран и др., так и с наличием в мире очагов локальной напряженности в виде существования разного рода сепаратистских устремлений, террористических центров, межконфессиональных противоречий.

Сепаратистские настроения и тенденции охватили в настоящее время весь мир, это и Восток, и западные страны. Многие войны и глобальные конфликты возникают из локальных очагов напряженности, где тот или иной народ, этнос, общность, народность или национальность провозгласили идею борьбы за национально-этнический суверенитет с государством (режимом).

В связи со всем вышесказанным огромную роль приобретает вопрос поиска новых и наиболее оптимальных ресурсов развития и укрепления российской государственности. При этом следует учитывать тот момент, что в системе демократического государства, его укрепление невозможно за счёт использования командно-административных методов, жесткой палочной дисциплины, попираания основ традиций от-

дельных народов и общностей, составляющих основу этого государства. Такой подход неизбежно и однозначно приводит к краху и гибели самого государства, его идей, идеалов и идеологии.

Процесс возрождения казачества в современной России в его взаимоотношении с государством рассматривался в работах С.А. Белова, О.Н. Борисовой, В.О. Галуевой, В.Д. Граждана, С.И. Иванова, И.А. Кутузова, А.Н. Ларионова, С.Н. Лукаша, С.Н. Макаренко, Г.О. Мациевского, Г.Г. Небратенко, А.А. Озерова, А.П. Скорика, В.Г. Смолькова, Ю.А. Сошина, Л.Г. Ходового, Я.А. Ястребового.

Несправедливо будет упрекнуть российскую властную вертикаль в недостаточной проработанности нормативно-правовой базы исследуемого вопроса.[1-26] Нормативно-правовых и разнообразных регулирующих административных документов по казачеству в эпоху новейшей России было принято предостаточно. Сказанное в полной мере относится

как к центральной (федеральной) власти, так и ее представительств на местах, местному самоуправлению.[27-29]

В 50-70-е гг. XX в. в СССР о казачестве упоминать было не принято. Официальная властная идеология активно насаждала в умы тезис о том, казаки полностью слились с другими народами Советского Союза, рабочим классом и трудовым крестьянством. По официальной версии в то время никакого казачества в принципе быть не могло, а правом на существование обладала только «единая историческая общность — советский народ».

С началом «перестроечных» процессов во второй половине 80-х гг., когда стала ослабевать система политической идеологемы, стали рушиться запреты и ограничения, в обществе проснулся интерес к вопросам казачества. Большая социальная группа населения выразила свое желание связать свою дальнейшую судьбу с данной этнической общностью.

Власть была вынуждена ответить на ожидания общества принятием Декларации Верховного Совета СССР от

14.11.1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».[30]

В 1980-1990 гг. спонтанно было воссоздано и вновь организовано около двух десятков казачьих войск, объединившихся под эгидой Союза Казаков России (СКР). СКР сразу же мыслился его создателями как полу-государственная структура, имеющая тесные отношения с властью. Союз Казаков России был образован 28-30 июня 1990 г. на учредительном Большом Казачьем круге в Москве. Принят Устав, учреждены Совет атаманов и Атаманское правление. Первым атаманом объединения был назначен Александр Мартынов. В правление кроме него вошли ещё два товарища атамана, кошевой атаман и восемь войсковых старшин. Примечательно, что в казачьих источниках говорится именно о «назначении», а не «избрании» А.Мартынова на должность, что никак не было свойственно вековым традициям казачества.

В 1991 г. в Москве была создана альтернативная Союзу Казаков общественная казачья структура, — Союз Казачьих Войск России (СКВР), который во время событий августа 1991 г. активно выступил в поддержку президента Б.Н.Ельцина.

4 ноября 1994 г. Минюстом РФ был зарегистрирован Союз Казачьих формирований (СКФ) под водительством атамана Александра Павловича Дёмина. Организация имела межрегиональную структуру. До этого А.Дёмин возглавлял Сочинский Большой Донской казачий округ, структурно входящий в Союз Казаков Области Войска Донского. Уже 10 апреля 1996 г. организация получает в Минюсте статус общероссийского движения, а в 1997 г. начинает действовать Санкт-Петербургское отделение СКФ.

В ельцинский период эти три вышеназванные организации являлись едва ли не самыми мощными и авторитетными организациями в среде казачества. Отношения между их лидерами и государством складывались весьма и весьма непро-

сто, велась постоянная борьба за власть, льготы и привилегии, наделение властными полномочиями. Были нередки скандалы в прессе и СМИ, громкие разоблачения.

Войсковая Православная Миссия была создана позднее других общественных организаций казаков, в 1999 г. В отличие от них, своей основной целью она поставила взаимодействие армии, казаков и православной церкви. В марте 2005 г. Миссия была преобразована в филиал Общероссийской общественной организации «Федерация Союза Казаков». Миссия являлась одной из немногих самостоятельных организаций казачества, которая добилась от власти на тот период официального закрепления права ношения членами общества военной казачьей формы. В плане государственного развития и укрепления начал государственности в своих программных положениях Миссия декларирует: «Пресечение деятельности тоталитарных сект. Запрещение абортов. Борьба с незаконной миграцией, этническими преступными группировками. Содействие укреплению национальной экономики. Оказание помощи в совершенствовании учебно-методической базы подразделений специального назначения». Так же миссия ратует за возрождение смертной казни по фактам изготовления и распространения наркотиков и наркотических средств, детской порнографии, считая эти преступления, преступлениями против российской государственности.[31]

О периоде существования первых общественных организаций казаков того времени «правая» радикальная пресса России пишет: «В первой половине девяностых было массовое движение снизу, тогда широкие массы видели в казачестве и казачьем движении значимую духовную и социальную основу, способную дать людям нравственные и ценностные ориентиры, призванные преодолеть духовную и социальную дезориентацию и способные стать альтернативой индивидуалистическому аморализму «постперестроечных». Начавшийся в то время, стихийный процесс возрождения казачества, характеризовался массовым энтузиазмом и широкой под-

держкой населения. Но стихийное казачье движение с самого начала было спонтанным и противоречивым явлением, никаких четких общепонятных идей и духовных ориентиров оно не имело и не выработало. Это движение ничего российскому обществу не дало, так как было замкнуто в себе самом.»[32] «Правые» придерживаются версии того, что уже в этот первоначальный период новейшего российского казачества произошло его размежевание на два лагеря, — «государственников» и тех представителей казачества, кто негативно относился к идеям «огосударствления», они полагают: «Почти сразу же после возникновения широкого движения, началось превращение казачьих организаций в формальные, подконтрольные властям структуры, с неясными целями и задачами. В результате, начиная с середины девяностых годов, авторитет казачества в обществе начинает падать, нарастали процессы самозамкнутости казачьего движения, его клановости и формализации. Не будет преувеличением сказать, что в этот период шла ликвидация казачества как особой исторически сложившейся социальной и этнокультурной общности и подмена ее более удобным для власти формализованным суррогатом. Велась осознанная и планомерная политика по лишению казачества широкой опоры в обществе и недопущению процессов социальной самоорганизации в нем на основе идей казачьего «возрождения».[32] Не менее критично авторы отзываются и о «второй половине» казатства, — антигосударственниках, которые своими действиями, по их мнению, нанесли не меньший вред казачьей идее, — «Разнородные казачьи организации. «Казачью вывеску» в 90-е мог нацепить и использовать кто угодно. Только за одно десятилетие в России было зарегистрировано более 700 организаций и объединений причислявших себя к казачеству. Дробление и мельчание движения, размывание (и так слабоопределенного) понятия «казачество», всячески поощрялось властями. Называться казаками позволялось кому угодно. Все кому не лень, вплоть до откровенных бандитов, могли прикрываться казачьим

названием. До сих пор продолжает существовать множество разного рода «контор» под казачьей вывеской, непонятно кем созданных и для чего существующих. Помимо бюрократических механизмов для контроля над стихийно самоорганизующимся казачеством, властями и либеральной прессой так же проводилась (и проводится, по сути, до сих пор) сознательная информационная политика дискредитации, опошления и клонизации казачества. В общественном сознании насаждался образ казака — «нагаечника»: примитивного, культурно ограниченного персонажа, чьими неперемненными спутниками являются алкоголизм, ксенофобия и агрессия».[32]

Любые процессы политического и государственного строительства тесно связаны и обусловлены личностными, моральными и нравственными качествами тех лиц, которые встают или встали во главе данных процессов. Справедливым и немаловажным будет отметить крайнюю неоднозначность лидеров казачьего движения начала и середины 90-х годов.

Демин Александр Павлович (1936 г.р., Верховный Атаман СКФ РФ). Имел судимость по ст.153 и 175 УК тогдашней ещё РСФСР (должностной подлог). В феврале 1997 г. разразился масштабный скандал с участием Атамана, который был задержан в аэропорту «Шереметьево-2» с заграничным паспортом, похищенным в Абхазии и находящемся в розыске, при попытке незаконного провоза контрабанды драгоценных камней. Атаман был также замечен своими активными контактами с лидерами чеченской и ингушской диаспор, что в среде самих казаков никогда не приветствовалось и почиталось за предательство национальных казачьих интересов.

Либеральная интеллигенция в рассматриваемый период первоначально «на ура» приняло зародившееся казачье движение, видя в казачестве, главным образом, союзника в борьбе с идеологией КПСС, однако позднее в ужасе отшатнулась от казачьих лидеров, увидев в казачестве идеологию национализма и «коричневую» опасность фашиствующих идей.

Что же касается самой КПСС и его недолгой истории взаимоотношений с казачеством самого новейшего времени, то эта история сразу же была наполнена волной взаимного антагонизма и неприязни. Частично, вольно или невольно, сами идеологи КПСС в немалой степени способствовали этому, предав огласке в 1989 г. в журнале «Известия ЦК КПСС» Циркулярного письма Оргбюро ЦК РКП(б) об отношении к казакам (от 24.01.1919 г.). Данное письмо на долгое время стало своеобразным жупелом партийных советских лидеров и их проклятием в лице казачества нарождающейся России.

Ельцинский период «парада суверенитетов» внёс мощный раскол в казачье движения и немало способствовал возрождению дремавших до того момента опасных тенденций казачьего сепаратизма. Очень тревожные вести в этот период приходят с Кубани, где уже в ноябре 1991 г. в качестве полноправных субъектов РСФСР были провозглашены, — Армавирская Казачья Республика и Верхне-Кубанская Казачья Республика. Создание этих государственных образований поддержал II Большой Круг Союза Казаков, прошедший 7-10 ноября 1991 г. в Ставрополе. 20 ноября 1991 г. на созванном Союзом казачества Юга России в Новочеркасске Большом казачьем круге Юга России было провозглашено объединение нескольких провозглашенных казачьих республик (Донской, Армавирской, Терской, Верхне-Кубанской, объединившей две республики — Зелчукско-Урупскую Казачью Советскую Социалистическую Республику и Баталпашинскую Казачью Республику) в Союз Казачьих Республик Юга России (СКЮР) со столицей в Новочеркасске и со статусом союзной республики в предполагавшемся новом союзном государстве.

Чтобы как-то сделать процесс взаимодействия с казачеством управляемым ельцинское правительство было вынуждено принять закон о привлечении казачества на государственную службу.

На волне противоречивости политических и исторических процессов современной России в ряде казачьих кругов оживились идеи о создании независимой и самостийной Казаккии — объединённого государства казаков. Вот что говорят нам об определении Казаккии источники: «Казаккия — земля принадлежащая Казакам. Это географическое название образовалось от племенного имени «Казак» с суффиксом «кия», определяющим край, территорию. Вообще такая форма географических наименований не характерна для древних славянских языков; в летописях она принята только для названий, взятых из западных источников, преимущественно греческих (Либия, Киликия, Мидия, Фракия). Обычно летописцы употребляют названия одинаковые и для народа и для страны им занятой (Чехи, Моравы, Болгары, Русь, Казары, «путь из Варяг в Греки» и т.п.). Такая форма сохраняется для стран и теперь еще у Поляков (Пруссы, Чехи, Венгры). Следовательно, названия Чехия, Болгария, Россия, Черкасия и др., только заимствованная Славянами и прогрессивная форма прежних — Чехи, Болгары, Русь, Черкасы и пр. Также и Казаккия — только прогрессивная форма старого названия вашей земли Касак-Казакки («был в Казаках», как «был в Черкассах», «в Болгарах, в Казарах»).[33]

В качестве аргументов на право Казаки на существование делаются отсылки к древнейшей истории: «В 948 г. Константин Багрянородный (Порфиригенит) употреблял термин «Касахия» по греческому обычаю. На 30 лет позднее, персидский географ сохраняет его почти без изменения — «Земля Касак» (Гудуд ал Алэм). Оба указывают ее нахождение на землях Северного Кавказа, причем у первого она находилась за Кавказской горой от Алании, а у второго она и принадлежала Аланам и упиралась в Азовское море. Писавший тогда же, Араб Масуди отличал народ Касак от горских Кешеков.

В академических комментариях к Константину Порфиригениту (С.Петербург, 1744 г.) Сигфрид Байер говорит о земле Казаккии: «Сие есть всех древнейшее казацкого народу

поселения упомянутые». Из русских историков Дона первым вспоминает Казакию А.Попов. Его «История о Донском Войске», пройдя все цензурные испытания, увидела свет в 1814 г. На 111 странице труда значится фраза, — «Мы усматриваем, что сие Войско издревле называлось Донскими Казаками, а земля их Казакиею, ибо на персидском языке Казак значит Скифа».[33] Можно назвать и другие источники, упоминающие феномен Казаки.[34-35]

Говоря о концепции Казакии именно как об историко-политической концепции, невозможно не упомянуть и о Вольно-Казачьем движении, ставшем своеобразным инструментом и институтом выражения этой концепции. В ряде случаев вполне уместно упоминание о Вольно-Казачьем движении, как и о некоей политической партии. В основе вольноказацкой деятельности лежит глубокое убеждение лидеров движения в том, что казаки ведут свое начало от особых национальных корней и поэтому имеют особое и естественное право не только на самостоятельное культурное развитие, но и на политическую независимость, государственную самостоятельность.

Идеи возрождения Казакии были взяты на вооружение наиболее непримиримой по отношению к государству частью современного казачества, которая не собирается забывать обиды нанесённые СССР казачьей общности и считает современную Россию правопреемницей советского имперского наследия со всеми вытекающими отсюда следствиями. Например, Игнатий Билий в своих программных документах «Казачья идея» пишет: «Сословно-служебная роль, навязанная казачеству императорской Россией, кончилась. Однако, казачество не захотело самоуничтожаться, расказачиться. Под влиянием воли пробуждалось в казачестве сознание своей не сословной, а политически-племенной обособленности; из глубины казачьих масс вышла на свет явь старая, здоровая традиция своей, казачьей государственности. Казачество восстанавливает Раду и Войсковые Круги, выбирает Войсковых

Атаманов и создает Войсковые Правительства. Активной защитой своих прав ещё при Временном Всероссийском Правительстве, кровавой борьбой с большевицким Московским правительством и принятием своих Конституций Казачьи Земли самоопределяются фактически как отдельные от России государственные организмы. Ныне же казачество в рамках своих краев пребывает в них в положении земель, покоренных неприятелем.»[36, С.1-2] Тут же звучит уже как призыв: «Но, казачество не проиграло своей борьбы за освобождение. Напротив, оно ее только еще начинает. Ибо не один народ, осознавший себя национально и раз начавший активную борьбу за свое национальное освобождение и государственную самостоятельность, никогда ещё не прекращал ее раньше, чем не достиг своих целей. Торжество правды и справедливости в таких случаях обеспечивалось всегда, — вопрос только во времени и в цене: когда и какой ценой удастся этого достигнуть. Народы погибают только те, которые не умеют бороться.»[36, С.3]

Другой исследователь Г.Кузнецов в солидарность и поддержку тезисов Билия провозглашает: «Казакция — это Мечта, будь то в форме национально-культурной автономии или самостоятельного государства. Мечта у людей ассоциируется с будущим, которое многие бы хотели видеть. Когда большинство людей мечтает об одном и том же — мечта обретает черты и характер реальности. Новая реальность, о которой в действительности можно только мечтать. Благодаря фантазиям великих исторических личностей: философов, поэтов, художников, политиков рождались новые измерения, новые полотна и шедевры человеческой деятельности. Менялся ход истории, направление жизней миллионов людей, открывались перспективы и горизонты. Мечта о Казакции это путь к горизонту. Эту мечту так и стоит воспринимать как мир, которому суждено появиться на свет.»

В январе 1996 г. было создано Главное Управление Казачьих войск при Президенте РФ, на него возлагалась обязан-